



*Ваши Органов*

# Воспоминания

несколько дней той войны

Вадим Органов

**Воспоминания. Несколько  
дней той войны**

«Издательские решения»

## **Органов В. А.**

Воспоминания. Несколько дней той войны /  
В. А. Органов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903315-4

Его страницы нашлись уже после его смерти, когда ни подробно расспросить, ни получить какие-либо комментарии по тому, что им было уже написано, а ещё больше о том, чего там нет, было уже нельзя. Воспоминания пролежали больше двух десятилетий, но даже спустя почти целую эпоху, они не утратили ни актуальности, ни смысла и имеют полное право быть прочитанными.

ISBN 978-5-44-903315-4

© Органов В. А.  
© Издательские решения

## Содержание

Война началась	6
Военкомат	8
Дело	10
Школа	11
Завод	12
Налет	15
Москва	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

# Воспоминания Несколько дней той войны

**Вадим Анатольевич Органов**

*Редактор* Владимир Вадимович Органов

© Вадим Анатольевич Органов, 2018

ISBN 978-5-4490-3315-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Вадим Анатольевич Органов (1925—1996)

## Война началась

– Война, война началась!

Услышал я, рыбака в дальнем углу пруда. Так кричали мальчишки, спускавшейся по крутому склону на другом его конце.

Редкие облака, гулявшие по небу, закрыли солнце, и как-то всё вокруг сразу вдруг потемнело, и даже отражение облаков на воде приняло странный фантастический вид.

Те немногие отдыхающие, что были у пруда, стали поспешно собираться. И я последовал их примеру, смотал свои снасти и поспешил домой.

Сразу стала мучить одна лишь мысль. С кем война? С кем будем воевать? И вдруг, вспомнил и лишь сейчас смог сопоставить с тем, что кричали те зенитчики, которых я видел ещё ранним утром.

Я выходил из дома, а по шоссе в сторону поселка Хлебниково двигалась колонна, тяжело нагруженных «Язов»<sup>1</sup> с прицепленными орудиями. Те бойцы, что сидели в них, пытались перекричать грохот машин и махали мне руками. Тогда мне всего лишь показалось, что они, увидев меня с удочками, просто желали мне удачной рыбалки, но я расслышал совершенно четко долетевшее до меня – «немцы». Не понимая тогда, какое отношение это, мной услышанное слово, имеет ко мне и к моей рыбалке, я почти забыл об этом, но сейчас все сложилось. Я пустился бежать домой. Там мой младший братишка, что-то пытался мне объяснить.

– Выступал Молотов по радио. На нас немцы напали ве-ррро-ллом-но.

Он не мог выговорить это слово – «вероломно». Получалась смешно. Родителей еще не было, они еще не вернулись из Москвы. Не зная, что делать, я пошел в школу.

Все мысли уже крутились вокруг событий последней недели, при этом вспомнился разговор Владимира Петровича с отцом об обстановке на границе. Он убыл позавчера к месту службы в Брест, тогда их разговор шел о заявлении ТАСС.

Тогда я ещё подумал, что теперь уже решенный вопрос на совместный отпуск с дядей Володей, с маминым старшим братом, обещавшим взять меня с собой, теперь неминуемо повиснет до лучших времен. И все, что я напридумывал по этому поводу, рыбалку и охоту, всё это потеряло всякий смысл. Еще бы неделю, ну чуть больше. И с первого июля должно было начаться наше спланированное приключение, а теперь всё с этой войной рушиться, и неизвестно на какой срок.

Я вошел во двор школы, где уже собрались мои одноклассники и другие ученики нашей школы. Они окружили нашего школьного директора Иван Федоровича, с вопросами, главный звучал почти по школьной программе «что делать?».

Поскольку наверно никто ещё совсем ничего не понимал, всё это сложившиеся нынешнее положение вещей, он тоже ничего не понимал, но как мог успокаивал всех нас, за кого он должен был отвечать по долгу своей совести.

– Отдыхайте. Первого сентября в школу.

В его словам звучала практическая уверенность в скорую победу наших. Фашистов, конечно, разобьем малой кровью, великой нашей силой непобедимой Красной армии.

Потихоньку мы стали группироваться по классам. И уже там давали выход своим эмоциям. Обсуждали расположение армий, Превосходства техники и оружия. Мужество и отвагу наших доблестных красноармейцев. Строили планы на сколько затянется эта война. Что будем делать, когда всё закончиться, а до нас дело так и не дойдет. Совершенно точно,

---

<sup>1</sup> Такое название дает им автор, но скорее всего это – ЯГ-6 или ЯГ-4. Автомобили грузоподъемностью 5 тонн, выпущенный на Ярославском государственном автозаводе до войны.

что никому из нас не удастся попасть туда, и никакого гада мы не сможем убить из винтовки и не успеем совершить ни одно геройство.

Солнце клонилось к закату, и длинный, и в тоже время такой быстрый день, похоже неожиданно заканчивался ничем особым. Все разбежались по домам. Наверно все, как и я, почувствовав наше вечное желание перекусить чего-нибудь.

Дома царила вполне спокойная обстановка, мать с отцом разбирали покупки, но чувствовалась какая-то скованность и не высказанная тревога, Нервное лишнее движение по дому, или наоборот излишняя суета по ерунде. Куда, что класть? Раньше такого, я не замечал. Отец посмотрел на меня.

– Ты поел? Где ты был?

– В школе.

– Ты обедал?

Что отец был настойчив, меня тоже смутило, раньше меня наверно про это никогда не спрашивали, просто сажали за стол. Я конечно был чертовски голоден, как никогда наверно. Пообедали, вернее поужинали почти молча. Отец читал газету и ел, не глядя на нас, словно прятался за этот официальный листок от наших немых вопросов. Искал ответы, ответов там не было.

Мать погладила меня по голове, я нервно вывернулся. Ко мне прижался Эрик, славный щенок. Он терся об мою ногу, требуя от меня положенной прогулки. Это была уже третья собака, которую я воспитывал для своего дяди. Тогда мысли вновь пошли по кругу. Отпуск. Собака. Стало грустно. Породистый охотничий пес палевой масти с длинными ушами глядел на меня своими очень умными глазами, что бы он мог сказать, если бы мог.

Мы с ним отправились гулять. Было тихо и безлюдно. Обычно в это время детвора во всю гоняла по дворам, слышался её вечный гомон и смех. Пес обычно носившийся и вечно убегавший от меня по своим делам, теперь жался у моих ног, и убежав тут же возвращался обратно. Он почувствовал тревогу во всём и это передалось мне. А может наоборот от меня к нему. Гуляли пока не потемнело. Зажглись немногие фонари, и народу на улице прибавилось. Мы проходили мимо собравшихся групп. Все чего-то ждали. Но так и ничего больше не происходило. Потом все также незаметно разошлись по своим домам.

Первый день войны прошел. Никто тогда не знал, сколько таких дней еще впереди. Насколько к нам пришла война, сколько и каких приготовила она для нас испытаний. Никто не знал ничего про будущее, про лишения, потери, что кому предстоит выдержать из-за неё.

Придя домой, я прослушал сводку новостей по радио. Пока ничего такого. Пошел в ванну. Она мне служила отдельной спальней. Можно было зажечь свет и никому не мешая, читать пока не заснешь. Сон сначала не шёл и начал читать первое, что попало под руку. Конечно, я уснул, не дочитав и страницы, так со мной порой бывает.

## Военкомат

Проснулся, уже когда мать с отцом ушли на работу. Готовя себе завтрак, слушал сводку по радио. Сообщений было немного и немногословны, идут бои в пограничных районах. Потом сколько потеряли немецкие войска, сколько противник потерял самолетов, сколько мы подбили его танков. О наших потерях тоже сообщалось.

Позавтракав на скорую, побежал на улицу. Там собралась уже почти вся наша компания. Разговоры шли лишь о том, чем бы нам заняться. Все вспомнили нашего военрука, нашего любимца класса, его наставления, его рассказы на уроках военной подготовки. Он должен был явиться в военный комиссариат по прописке на следующий день после объявления войны. Таков есть суровый закон военного времени. Так он нам говорил.

Мы пошли к его дому, надеясь там дождаться его выхода, и расспросить обо всем, что так теперь волновали наши мальчишечьи умы. Подошли, стали ждать. Время шло, а он не появлялся. Мы стали думать, что мы не успели и опоздали. Жребий пал на меня, я должен был подняться и узнать, дома он или уже ушел на войну.

Постучавшись, я услышал его голос спокойный, лишь немного сдавленный.

– Заходите.

Я зашел в комнату и увидел сидящего на чемодане нашего Михаила Васильевича. Рядом на кровати на неубранной постеле сидела его жена с заплаканными глазами. Похоже она уже была совершенно безучастна к происходящему с ними сейчас. А он моему появлению был скорее рад, чем удивлен, резко поднялся и бодро произнес на всю комнату, что вот, и провожатые пожаловали. Потом он поцеловал её.

– Жди, моя любимая!

Взяв чемодан в руки, подхватил свой вещмешок, ловко закинул его за плечи. Посмотрел на меня.

– Пошли!

Наш военкомат находился в поселке Лобня, туда нужно было ехать поездом. Почти вся компания, кто мог, пошли с ним на станцию. Минут через десять подошел поезд. Сели в поезд, Вагон был полон мужчин, женщин почти не было видно. Все говорили про повестки из военкомата, что их еще никому их не прислали, и вообще ничего еще не прислали. С каждой остановкой мужчин становилось всё больше и больше. В вагон, который наполнился почти до предела, продолжали заходить лишь одни мужчины. Вот и станция Лобня. Народ дружно высыпал на перрон и направился в одну сторону, в сторону военкомата.

Ближе к военкомату стали попадаться шедшие навстречу нам другие мужчины, они шли уже поодиночке. Их останавливали расспрашивали, но те, кто расспрашивал, затем всё равно шли дальше, продолжая двигаться в сторону военкомата. Что было в их ответах, мы не знали, Мы просто пока шли за нашим военруком.

Наша цель находилась на самом краю поселка. В одноэтажном доме, огороженный забором, и как все военные заборы, выкрашенный зеленым цветом. Там находился Лобненский военный комиссариат. Перед ним, точнее перед этим забором, на огромной площади толпились мужчины с вещевыми мешками на своих спинах. Там же, но чуть в сторонке стояла обособленно небольшая группа женщин.

С трудом протискиваясь сквозь толпу, каждому объясняя, что он имеет предписание, Михаил Васильевич старался пробиться к дежурному. Народ, проникаясь имеющимся у кого-то неоспоримым документом с таким преимуществом перед всеми остальными, послушно расступался, давая ему и нам проход.

Наш учитель подошел к стоящему дежурному офицеру, предъявил свои документы. Тот проверил их, и отдав честь, вернул.

– Проходите, товарищ лейтенант!

Михаил Васильевич пожал каждому из нас руку. Махнул рукой на прощанье.

– Вы уж ребята, не больно балуйтесь тут без меня. До скорой встречи!

И он исчез за калиткой. За зеленым забором была своя секретная жизнь, что и как, нам знать не полагалось.

Обратный путь был проще и короче. Взрослые нас охотно пропускали, добавляя и приговаривая, только вас здесь еще не хватало. А некоторые спрашивали, кого мы провожали, а мы были горды, отвечая, что своего военрука.

Вернулись домой к вечеру. И вновь, как вчера с наступлением темноты на улице становилось всё больше и больше народу. Все чего-то ждали, но ничего опять не происходило. Чего все ждали, что должно было такое произойти никто не знал и не понимал. А для меня, и подавно, ситуация носила характер полной неизвестности и неопределенности. Вот так ничего, и никак. Как будто всех нас неожиданно захватило и унесло неизвестную пустоту безнадежности.

## Дело

Все немного изменилось на третий день войны. По крайней мере у меня. Появилось дело. Ну по-порядку.

Начальник ЖКО Иван Данилович, первый, кого я помню, кто оправился от этой некой растерянности, которая постигла наверно всю страну. Он собрал свой немногочисленный штат и поставил вполне конкретную задачу, обследование и обустройство всех чердаков, на предмет противопожарной обороны.

Весь коллектив вместе с пожарниками отправился по всем вверенным им крышам, освобождать их от всего мусора, от всего, что могло гореть, На чердаках домов устанавливали щиты, на которых крепились багры, лопаты и клещи с длинными ручками, бочки с водой, ящики с песком.

К этой работе подключились и мы. В наше распоряжение дали две повозки, запряженные лошадьми, и поставили задачу, подвозка песка от литейного цеха, инструмента и уже сколоченных самих щитов из модельного цеха.

Наш мальчишечий задор передавался взрослым. Может быть это конкретное дело, просто не давало грустным мыслям, овладевать людьми. Бездействие закончилось, и всем хотелось быстрее что-то предпринимать, и пока это было единственно разумное, что можно было делать в этой ситуации.

К концу дня на всех чердаках, почти всё что нужно было установлено, нахватало лишь еще одного инструмента – клещей. Клещи делали в кузнеце, их мы тоже должны были забрать и развести, но их не так быстро могли изготовить в нужном количестве.

Приехав за очередной партией, мы несколько небрежно сделали замечание кузнецу дяде Васе, что он отстаёт. На что дядя Вася, не без раздражения, выдал нам порцию народных прибауток, а прибауток и пословиц у него было в запасе в избытке. Он мог бы ответить и резче, но наверно просто пожалел нас, глупых мальчишек. Он дал одному из нас один из своих увесистых молотов и объяснил, что тот должен делать. Оказалось, это не так просто попасть в нужное место на раскаленном железе. Но сдаваться никто не собирался. Под шутки дяди Васи кое-что стало получаться. Примеривший роль кузнеца, получил наконец одобрение дяди Васи, а от нас разумеется лишь усмешки. Но так, или иначе, сделаны были последние клещи. И мы довольные и гордые развезли их по чердакам. Лошадей распрягли и завели в конюшни, Сами усталые отправились по своим домам.

Вечер, и вновь та же картина, что и в предыдущие дни. Люди в растерянности чего-то ждут, непонимания ничего и как дальше быть. Одни вопросы, на которые никто не спешит давать ответы. Лишь уже как-то само-собой стало притупляться ранее пришедшее беспокойство.

## Школа

На другой день за мной прибежал посыльный. Он так представился, как посыльный от начальника объекта. Это был мальчишка из младшего класса. По его сообщению я должен был срочно прибыть на объект. Объект – это наша школа, туда мы и побежали уже вдвоем. Начальником объекта оказался наш директор школы Иван Федорович.

Еще в конце года меня по рекомендации военрука, назначили начальником штаба МПВО (Местной противовоздушной обороны). Я, конечно, это вспомнил только сейчас, но это было совсем уже не важно. У меня теперь был вчерашний опыт, и он, как нельзя лучше, пригодиться нам и сегодня.

Во дворе школы уже собралось несколько ребят из нашего класса и из других тоже. Около школьного сарая уже лежал нужный инвентарь – лопаты, багры, клещи, ящики, бочки. Было всё, что нужно, оставалось расставить ребят и объяснить каждому, что это и для чего, это нужно. Мы оборудовали чердак школы, сделав всё, как полагалось. Начальник объекта Иван Федорович все принял и поставил новую задачу – разобраться со школьным сараем, Содержимое, всё в пожарном отношении опасное, нужно просто беспощадно уничтожить. Сарай стоял в углу школьного двора и нем наш бережливый завхоз хранил всё, что надеялся когда-нибудь восстановить, и может быть ему это и удалось бы, конечно, но пришли суровые времена, и мы такие бескомпромиссные. Сломанные нами стулья и парты, плакаты и лозунги к первому маю и к седьмому ноября – всё это нужно было уничтожить, сжечь до наступления темноты. Поскольку нам не стоило давать противнику явный визуальный сигнал костром о нашем объекте.

Работу выполнили в срок, за что получили похвалу от Ивана Федоровича и с чувством выполненного долга, разошлись довольные собой по домам.

Дни стали проходить своим чередом, день за днем, час за часом. Сводки Совинформбюро сообщали нам об упорных боях, пока еще далеко от нас. В них говорили о направлениях ударов и контрударов, и по ним мы судили тогда, какие города обороняют наши войска. Но тем не менее фронт все дальше отходил на восток, от границы, он неумолимо приближался к нам. По всей видимости главные силы немецких войск были направлены сюда, на Москву. Все стали понимать насколько положение серьезно, и как к нам нынешний противник безжалостен.

## Завод

Третьего июля по радио к советскому народу обратился первое лицо страны и государства. В обращении Сталина теперь прямо говорилось о той опасности, которая нависла над нашей страной, и что потребуются сплоченность и самоотверженность всего советского народа для достижения разгрома фашистской Германии. Лозунг, что наше дело правое, враг будет разбит, а победа будет за нами, становился боевой программой всего советского народа. Мы тогда в это верили, а верить в что-то другое мы не могли, мы были воспитаны новым строем строителей светлого будущего.

Всю первую неделю войны передачи московского радио начинались песней Александра на слова Лебедева-Кумача «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой». Песня в исполнении Краснознаменного ансамбля песни и пляски РККА тогда звучала всегда тревожно-призывно и вместе с тем очень торжественно и величаво.

По мере приближения к Москве фронта, обустройства на пустыре за домами противозвушными укрытия. Так отрывалась канава глубиной около двух метров и шириной по дну около метра, откосы укреплялись досками, по одному из откосов делалась лавочка для сидения и на все это сверху настилали бревна в один накат, а потом всё засыпалось еще и землей.

Наш завод продолжал работать в полную мощность, каждый день платформы и вагоны уходили с его территории, груженые произведенной продукцией. На платформах кирпич, в вагонах чугунные сифоны, патрубки, секции отопительных радиаторов. Все это шло на восток. Литейный цех начал выпускать корпуса для гранат «лимонок» и рубашки для ручных гранат.

Завод нашего поселка, в котором жила моя семья, был очень старинный. В то время не было принято интересоваться дореволюционной историей и мы практически ничего не знали, что было тогда. Местный старожил завода и тот не помнил, когда завод начал выпускать кирпич, хотя он проработал на нем всю свою жизнь, а перед войной ему было далеко за шестьдесят. Он тоже не все рассказывал нам, не любил вспоминать то время. Он считал, что прошлое принесло ему слишком много горя, он лишился правой руки и его жена погибла во время аварии на этом заводе. Но может он просто был не разговорчив, а может лишний раз что-то рассказывать просто не стоило.<sup>2</sup>

Наша семья переехала под Москву в 1935 году из города Юрьев-Польский, мне тогда исполнилось только 10 лет. Поселок – это совсем не город и дома здесь были не похожи на те древние постройки, к которым я уже привык, но зато появилось близость к столице и возможность добраться туда запросто, просто взять и поехать и ты через полчаса в центре, хоть на Красную площадь иди, хоть на улицу Горького. Вот это жизнь.

Завод, где предстояло работать отцу, в то время уже назывался комбинатом. Он выпускал кирпич, литейка завода отливала сантехническую арматуру: различные патрубки, сифоны, секции радиаторов отопления. Была лесопилка и цех по изготовлению оконных рам и дверей, варили соледол и заливали в бочки, которые тоже производили в бондарной мастерской. Еще на заводе делали канализационные люки, которые с тех давних времен скрывают проходы в мир подземных коммуникаций. Они до сих пор служат этой цели, и их еще до сих пор можно отыскать под ногами на мостовых и тротуарах разных городов и конечно Москвы.

---

<sup>2</sup> По версии официальной истории, кирпичный завод был основан в 1900 году при деревне Лупихе Хлебниковой Троицкой волости 2 стана и принадлежал Альфонсу Гашу. Число рабочих тогда было 100 человек. Скорее Альфонс Гаш приобрел его в том году.



1928г. с отцом Анатолием Николаевичем

Школы в нашем поселке не было и меня определили в железнодорожную школу поселка, строившегося тогда через дорогу вагоноремонтного завода.<sup>3</sup> Поселок носил название очень созвучное времени – «Соцгородок». Придя первый день в школу, начал знакомиться и на вопрос откуда я прибыл. Я с владимирским говорком, делая ударение на первом слоге отвечал.

– С комбината.

Тут в Москве говорили совсем по-другому, но этот город принимал всех и его не сильно раздражали приезжие, наверно потому что тех, кто мог похвастаться долгой родословной в Москве было совсем немного. Вновь обосновавшиеся лишь давали повод для шуток, но мне тогда было не до шуток. Меня называли колонистом. Я некоторое время не понимал почему. Но потом стало ясно, в нашем районе до 1934 года существовала колония заключенных, которые работали на комбинате или просто на «Кирпичке», так тоже называли наш кирпичный завод.<sup>4</sup>

А мы живущие там ребята еще долго носили это прозвище «колонисты», ну, а ребят из соседнего села Ново-Архангельского называли по старому названию этого села Лупиха – Лупихинские. Что звучало на мой взгляд еще более неблагозвучней, однако прозвища, есть прозвища, и никуда от них не деться.

---

<sup>3</sup> Школа первоначально функционировала, как семилетняя школа №41 Ярославской железной дороги. В это время школа находилась по адресу: Московская область, Краснополянский район, станция Лионозово, поселок Вагоноремонт.

<sup>4</sup> 1926 год при станции Лианозово Савеловской ж/д в бывшем кирпичном заводе Гаша вновь организован Гаша-Заводский Концентрационно-производственный лагерь №1 принудительных работ Главного Управления общественных работ и повинностей.

В 1938 году наш завод стал именоваться – «Завод №3 Государственного союзного треста №41 Народного Комиссариата Авиационной Промышленности (НКАП)».<sup>5</sup> Стране требовалось тогда больше кирпича и был построен цех сухого прессования, с естественного способа сушки кирпича перешли на искусственный. Построили камерные сушилки. Для этого использовали отходящее тепло от гофпечей (Гофмановская печь). На фасаде цеха обжига появился лозунг: «Доведем выпуск кирпича до 200—250 млн. штук кирпича в год!». Литейный цех продолжал выпуск предметов сантехники.

Вагоноремонтный завод почти целиком перешёл на выпуск корпусов снарядов, мин и авиабомб. Напротив нашего дома был кузнечный цех этого завода. Наш дом дрожал от ударов мощного пресс-молота, установленного в этом цехе.

Все больше и больше мужчин стали уходить в армию с нашего завода и мы старались, как могли, заменить их. Помогали грузить кирпич на платформы, подвозили его к печам из сушильных сараев, которые тянулись почти на километр сторону Соцгородка.

На продукты ввели карточки и нашей заботой было их вовремя отоварить. Мальчишеские забавы отошли как-то сами по себе, разговоры уже велись лишь о насущных проблемах. Незаметно для себя мы стали полноправными взрослыми. О своей довоенной жизни мы вспоминали лишь во время редких массовых походов в ближайший лес за щавелем, ягодами или грибами. Вспоминали про рыбалку на пруду, поездки в дальние леса по грибы, свои озорные налеты на сады и огороды в Лианозово и в Ново-Архангельском, и все это казалось нам таким далеким и потерянным безвозвратно.

---

<sup>5</sup> «На площадях бывш. Лианозовского кирпичного завода был организован завод №3 треста №41 НКАП, выпускающий оборудование, боеприпасы, сложное литье и имеющий в своем составе уникальные производства – светосоставов (связанное с переработкой радия) и трубчатых электрических нагревателей» – из официальных реляций того времени.

## Налет

На тридцатый день войны в 9 часов вечера радио прервало передачу и диктор каким-то металлическим голосом произнес.

– Граждане, воздушная тревога.

Это объявление он повторил несколько раз. Но еще до этого, до того спокойно лежащий на своем любимом месте мой пес, вскочил и побежал к двери. Я не мог понять, что происходит. Стало понятно, лишь когда объявляли воздушную тревогу, хотя он вновь и вновь звал меня на улицу. Мы выскочили из дома, Эрик понесся впереди меня в укрытие, где сидел до самого конца воздушного налета, пока не объявили отбой.

А я, несмотря на все протесты взрослых, с ребятами нашего двора, такими же отчаянными сорванцами, с Володькой и Эркой, забрались на крышу и стали наблюдать за происходящим в небе и вокруг.

В ночном небе один за другим стали вспыхивать прожектора и медленно раскачивать свои лучи. Где-то совсем недалеко в районе Химок запылали зарницы выстрелов и с задержкой, как от грозы, мы слышали доходившие до нас их гулкие раскаты. Гул самолета все ближе и ближе к нам. В небе прожектора захватили в перекрестье лучей самолет, и тут же по нему открыли огонь наши зенитки. Разрывы снарядов ложились по курсу самолета то справа, то слева. Все, кто с нами наблюдал за этим, и те взрослые, что тоже были на крыше, не могли понять, что происходит. Они будто на футбольном матче обсуждали своего нападающего мажущего по воротам, тому никак не удается забить гол противнику. Примерно такая же картина была и сейчас. Я попытался им объяснить, что ведется заградительный огонь и существует специальная зона, где ведется огонь на поражение, но мне никто не верил. Объяснять, что если сбить вражеский самолет над важным объектом, он при падении разрушит больше, чем при бомбардировке, и его уведут этим огнем в нужное место, я наверно мог долго, но поняв, что всё тщетно решил помолчать.

Уже в нескольких местах, там на горизонте возникли зарева от пожаров. Налет шел часа полтора – два. Прозвучала команда – отбой. А мы с приятелями еще долго сидели на крыше, обсуждая, как на наших глазах произошло сражение.

Потом налеты немецкой боевой авиации стали каждодневным явлением. Первым о них узнавал Эрик. Своим собачим чутьем он безошибочно определял надвигавшуюся на нас угрозу. Как не жаль было с ним расставаться, но с продуктами становилось все туже, и мне пришлось его отдать зенитчикам на батарею, стоящую около Хлебниковского моста. Он там стал служить воздушным разведчиком. О появлении вражеских самолетов он предупреждал всю батарею за долго до объявления тревоги. Все зенитная батарея была очень довольна своим новым бойцом. Если бы собакой давали звания и ордена, возможно Эрик мог дослужиться до больших чинов и с гордостью носить свои боевые награды.

Враг шел к Москве, еще даже не кончилось лето, прошел лишь месяц, в война уже стояла на нашем пороге, и мы уже почувствовали её неумолимое приближение к нам. Почти у самого нашего дома мы уже наблюдали первые бои.

## Москва

Москва была закрыта для посещения. Что бы попасть на её территорию требовался специальный пропуск. Но нас, мальчишек пока пропускали без него, лишь спросив откуда и куда идем. Мне тогда часто приходилось ездить к маминым родителям, к моим бабушке и дедушке. Ехал к ним и тогда, после первого налета на город.

Москва, мне показалось жила по прежним законам мирной жизни, мне не попались на глаза следы от падений бомб и зажигалок, ну а к другому все мы уже попривыкли. Прошел месяц, и уже почти никто не обращал внимание на заложенные мешками с песком витрины больших магазинов, на раскрашенные для маскировки фасады зданий, Большого театра, других, на закрытые чехлами красные рубиновые звезды Кремля.

Разговоры в трамвае велись конечно в основном о вчерашнем налете, из них, сколько я не прислушивался, трудно было что-то понять и оценить, но ясно было, что разрушений было мало. Хотя, кто это может определит, чего много, а чего мало, для тех людей, что стали жертвами, всего было много. В то, что официально говорилось в информационных сводках, мы должны были верить. Слухов было много, не хватало лишь нам становиться их распространителями. Мы всё понимали, мы привыкли к коварству врага, всегда приходилось быть начеку и не болтать лишнего. Так нас учили, и мы это принимали.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.